

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 5-го Августа 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9153.

Тамъ, на Кавказѣ...

Михаилъ Петровичъ напряженно всматривался въ даль, ожидая прибытия поѣзда съ женой. Сердце у него сильно билось и нервное волненіе разливалось по всему тѣлу.

Уже три мѣсяца, какъ жена уѣхала на Кавказъ. Она должна была тамъ пробыть всего полтора мѣсяца, а пробыла вдвое больше.

Онъ страшно тосковалъ о ней. За пять лѣтъ совмѣстной жизни онъ къ ней сильно привыкъ и даже не подозрѣвалъ, что все ее такъ же сильно любитъ, какъ въ первый день.

Онъ тосковалъ и писалъ ей письма за письмами. А отъ нея письма получались все рѣже. Онъ сталъ сильно беспокоиться. Воображеніе рисовало ему ужасы. Ему казалось, что она больна. Но спокойный и даже немножко холодный тонъ ея писемъ разубѣждаль его въ этомъ.

Онъ просилъ ее поспѣшить со своимъ прїѣздомъ. Писалъ, что не находить себѣ мѣста безъ нея. А она отвѣчала, что на Кавказѣ такъ хорошо, что не хочется оттуда уѣзжать.

А въ послѣднихъ ея письмахъ появились какието непонятные намеки.

Его тревога все росла. Наконецъ, онъ получилъ извѣщеніе, что она єдетъ.

Онъ припоминаетъ, какъ встрѣчалъ ее года три тому назадъ. Внутри у него свѣтило солнышко и пѣли птички. Она еще издали высунулась изъ окна вагона, вся раскраснѣвшаяся отъ волненія, и радостно махала платкомъ. Почему ему сейчасъ такъ тяжело?

Издали показался поѣздъ. Онъ напрягъ зрѣніе еще больше. Онъ искалъ ее въ окнѣ вагона съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ...

Но ея не было.

Поѣздъ остановился. Кругомъ раздались привѣтствія, радостные возгласы, поцѣлуи.

А ея нѣтъ. Господи, неужели не прїѣхала?

Но вотъ она медленно сходитъ со ступенекъ вагона. Онъ радостно бросился къ ней.

— Маня! Маничка!

Но почему она такъ смущена? Почему она такъ грустна?

— Маничка, что съ тобою?

Ужъ не больна ли она?

Но нѣтъ, она на Кавказѣ очень поправилась...

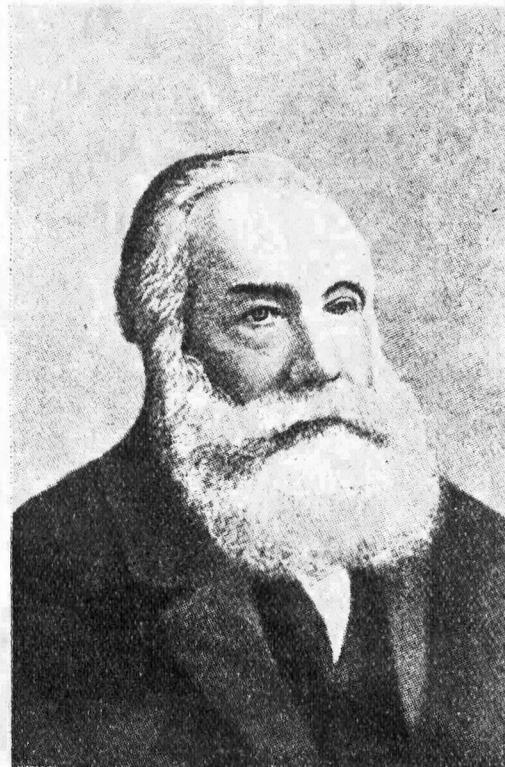
Боже, что же такое?

— Потомъ... потомъ...

— какъто смущенно бормочетъ она.

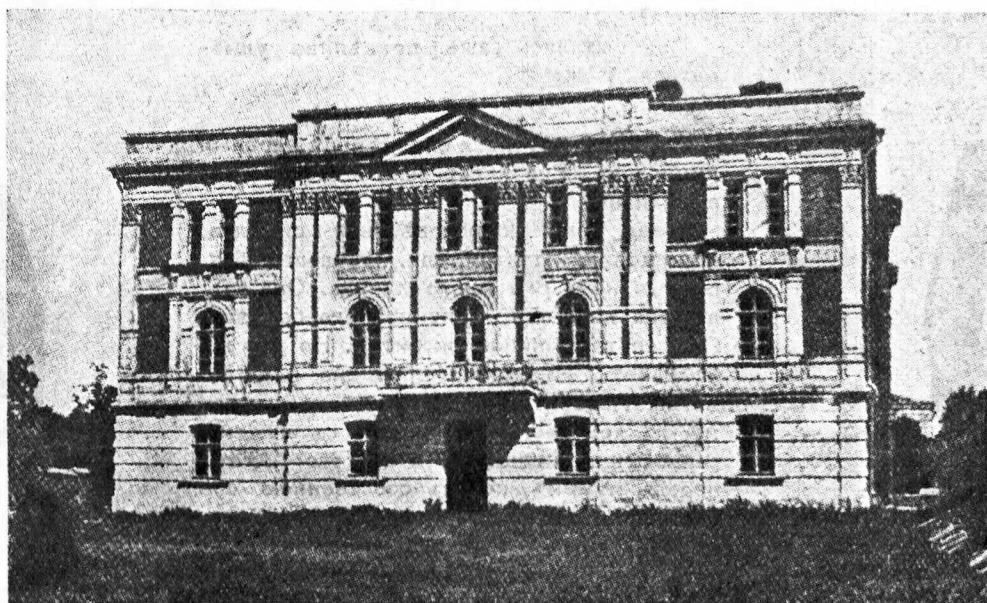
Голосъ ея былъ холодный и жесткій, какъ сталь. У него внутри что-то оборвалось. Какъ будто чудная мелодія оборвалась посрединѣ лопнувшей струной...

Молча прїѣхали они домой. Дѣтишки, Оля и Ваня, бросились на шею матери

Вилліамъ Генрихъ ПЕРКИНЪ старшій, извѣстный англійскій химикъ.

Род. въ 1838 году. Въ 1856 г. онъ основалъ въ Лондонѣ первую въ Европѣ мануфактуру красокъ изъ каменноугольной смолы. Первая анилиновая краска, полученная имъ, была названа въ честь своего изобрѣтателя „фіолетовой Перкина“, или мовеинъ. † 9 іюля (н. с.)

Дворянскій пансіонъ-пріютъ въ Новочеркассѣ, отведенный для донского политехническаго института до постройки собственного зданія политехникума.

и стали ее душить своими маленькими рученками.

— Мамочка, мы такъ тебя ждали, мы такъ тебя ждали,—какъ жаворонокъ пѣла Оля.

— А съто ты мнѣ пливезъя? настойчиво повторялъ толстенький Ваня.

**

Наступилъ вечеръ. Дѣти уже легли.

— Маня,—съ какою-то странною настойчивостью и твердостью въ голосѣ началъ Михаилъ Петровичъ,—теперь мы должны поговорить, объясниться,—голосъ его слегка дрогнулъ.

— Да, да—заторопилась жена.—Я сама хотѣла съ тобой поговорить. Я хотѣла тебѣ обѣ этомъ написать, но не могла, ничего не выходило. Видишь ли... Она замялась.

— Говори, Маня!

— Помнишь, мы говорили съ тобою много о бракѣ. Мы говорили о томъ, что основою брака должна быть любовь и... и равноправіе сторонъ. Бракъ, основанный на одной привычкѣ, безъ любви, дѣлается противнымъ, гадкимъ, невозможнымъ. Но ты, можетъ быть, измѣнилъ свое мнѣніе?

— Нѣтъ. Говори, Маня, проще. И прямѣе. Ты меня больше не любишь?

Она не отвѣчала. Она смотрѣла куда-то въ сторону.

Онъ повторилъ вопросъ. Углы его губъ стали быстро вздрагивать. Онъ опустился на стулъ и заговорилъ:

— Тебѣ тяжело, Маня? Не отвѣчай. Мнѣ твой отвѣтъ и такъ ясенъ. Ты меня больше не любишь. Или... или... Можетъ быть, тебѣ это кажется, Маня? Припомни, какъ мы жили. Пять лѣтъ... Мы были счастливы. У насъ такая славная дѣтка... Олечка, Ваничка... Маничка, подумай, не кажется ли тебѣ это?

Онъ ее взялъ за руки и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Онъ старался себя сдерживать, но рыданія помимо его воли вырывались изъ его груди.

— Что я буду дѣлать безъ тебя? Я тебя люблю, Маня. Люблю безумно. Я не могу тебя потерять.. Подумай, Маня, вѣдь, ты ошиблась, не правда ли? Мы любимъ другъ друга, какъ и раньше? Не такъ ли? Помнишь, какъ хорошо было? Помнишь?..

Онъ прижался къ ней, и нѣжно и тревожно заглядывалъ въ глаза. Онъ искалъ тамъ отвѣта.

Она отвернулась. Крупные слезы потекли у нея изъ глазъ. Долго сдерживаемая рыданія прорвались и они плакали оба, какъ маленькая дѣти

— Я не могу больше, — говорила она сквозь рыданія. — Пойми меня, Миша, мнѣ дѣйствительно тяжело. Я тебя любила горячо, сильно. Я была счастлива. Я была очень счастлива... Но... я полюбила другого, Миша.

Онъ быстро поднялся.

— Это правда? — спросилъ онъ какъто сдавленно, тихо.

— Вѣдь, я не виновата, что такъ случилось. Мы встрѣтились на Кавказѣ. Онъ писатель, известный писатель. Мы

съ нимъ познакомились и много говорили о литературу, о жизни. Незамѣтно мы подружились. Наконецъ, я его полюбила. И онъ меня также полюбиль. Я не хотѣла этого. У меня всегда передъ глазами стоялъ ты, стояли дѣти. Я боролась съ собою. Но я его люблю..

— Ты увѣрена въ этомъ?

— Да, Миша, я увѣрена.

— Три мѣсяца.. Ты его знаешь три мѣсяца.. Увѣрена ли ты?.. Мы знаемъ другъ друга семь лѣтъ. Два года мы думали: сойтись ли намъ, или нѣтъ? Достаточно ли глубоко наше чувство? Не увлекаемся ли мы только другъ другомъ? А ты—въ три мѣсяца..

— Миша, это лишнее. Я его люблю. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнья. Три мѣсяца или три года—это все равно. Я не восемнадцатилѣтняя лѣвочка. Мнѣ ошибиться трудно. И я не ошибаюсь.

Она сидѣла съ опущенной головой. Она чувствовала, что каждое ея слово вырываетъ какую-то пропасть между нимъ и ею. Эта пропасть двѣется все глубже, глубже. Тамъ, позади, осталась счастливая жизнь. Она лежитъ сейчасъ передъ нимъ разбитая. Страшное чувство одиночества, ненужности его, все больше овладѣвало всѣмъ его существомъ.

«АРХЕОЛОГИЯ». Рельефъ работы В. В. Шафа въ Чешскомъ музѣѣ, въ Прагѣ.

Лишний, ненужный. Долгіе дни безъ свѣта, безъ радости. Одинокий...

А она продолжала:

— Ты видишь, что намъ надо разстаться. Миша, голубчикъ, разстанемся друзьями.. Вѣдь, ты не перестанешь меня уважать? Мы будемъ друзьями.. Хочешь, Миша?

Она пыталась даже привѣтливо улыбнуться... *

Съ нимъ случился сильнейший нервный припадокъ. Врачи серьезно опасались за его жизнь.

Жена, какъ добросовѣстная сидѣлка, не отходила отъ постели. Въ долгія безсонные ночи она много думала. Она знала: она является причиной его болѣзни. Онъ ее такъ сильно любить... Но что же ей дѣлать? Иначе поступить она, вѣдь, не могла. Подавить въ себѣ чувство къ тому, къ другому? Продолжать съ мужемъ совмѣстную жизнь, любя другого? Лгать передъ мужемъ, передъ собственною совѣстью? И такъ годы, можетъ быть, всю жизнь? Нѣтъ, этого она не могла слѣдить. Она должна была ему сказать. Они должны разстаться...

Дни шли за днями, безсонные ночи за безсонными ночами. Мужъ часто бредилъ ею, дѣтьми. Онъ ей часто говорилъ въ бреду о любви, о счастьѣ...

Кризисъ миновалъ. Врачи были увѣрены, что онъ выздоровѣетъ. Какая-то большая радость словно стукнула ее въ сердце. И это была первая ночь за его болѣзнь, когда она раздѣлась и легла въ постель.

На слѣдующій день она, вполголоса даже запѣла какую-то веселенькую пѣсенку...

**

Въ полдень разсыпанный принесъ письмо отъ него, отъ ея писателя. Онъ сюда

Генераль де-ЛАКРУА (de Lacroix),
новый французский генералиссимусъ.

пріѣхалъ и просилъ явиться подъ вечеръ на свиданье.

Въ вискахъ сильно застучало. Онъ здѣсь... Она его сегодня увидѣть. Она съ нимъ сегодня будеть говорить.

Мужъ лежалъ блѣдны, исхудалы. Черные волосы еще больше оттѣняли мертвеннуя блѣдность лица. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ похожъ на мертвца.

Ей стало страшно жалко мужа. Не оставаться ли сегодня дома?

Но другое чувство ей настойчиво говорило: иди, иди! Ты тоже имѣешь право на счастье.

И она пошла.

Съ сильнымъ замѣраниемъ сердца постучалась она къ нему. Онъ встрѣтилъ ее съ распростертими обѣятьями. Онъ говорилъ ей о своей любви, объ ихъ будущности.

Но что стъ ней? Она съ недоумѣніемъ спрашивала себя: Отчего ея мысли все время тамъ, около ея мужа? Отчего не волнуютъ ее пылкія рѣчи писателя? Она вспомнила Кавказъ, высокія снѣжныя вершины, тихія вечера, тихія вечерія бесѣды. Она уносилась со своимъ новымъ другомъ въ какіе-то невѣдомые края, гдѣ дышется такъ легко, гдѣ все ново, интересно, красиво. Она ей рисовалъ какой-то новый, заманчивый міръ. Ея кровь

Изъ театральной жизни.

М. Т. Ивановъ-Козельскій игралъ однажды «Урѣля Акосту». Какъ известно, въ послѣднемъ актѣ Урѣль стрѣляется.

Когда бутафоръ принесъ Козельскому заряженный револьверъ, М. Т. строго спросилъ:

— Остѣчки не будетъ?

— Помилуйте, М. Т., сейчасъ на дворѣ пробовали стрѣлять... Превосходно съ... — Смотрите!..

— Будьте покойны!..

Подошло время стрѣляться. Козельскій великолѣпно прочелъ предсмертный монологъ и, приставивъ револьверъ къ виску, нажалъ собачку. Выстрѣла не послѣдовала.

— Я такъ и зналь—громко сказъ М. Т., обращаясь къ публикѣ, — я такъ и зналь!.. Остѣчка!..

И, бросивъ револьверъ на полъ, разсерженный ушелъ въ уборную.

Актёръ С—въ любилъ рассказывать разныя небылицы, увѣряя, что все это «факты».

Сидѣть онъ однажды въ актерской комнатѣ и описывалъ свое путешествіе по Африкѣ, которую, разумѣется, никогда въ глаза не видалъ.

— Иду это я, братцы мои, по берегу Нила,—говорить (между прочимъ), С—въ, —вдругъ на встрѣчу мнѣ огромный левъ!! Оглядываюсь — сзади тигръ, а изъ воды торчитъ разинутая пасть нижнѣаго крокодила...

— Ну, и что же?..—съ любопытствомъ спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Разумѣется, растерзали!.. Въ клочкѣ!!—невозмутимо отвѣтилъ С—въ и продолжаль разсказъ.

**

Провинциальный артистъ К. Н. Б—, любившій выпить, обратился къ какому-то захудалому гипнотизеру съ просьбой внушить ему отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ.

Въ назначенный часъ гипнотизеръ явился, посадилъ К. Н. на кресло и усыпалъ его. Кругомъ стояли любопытные актеры.

— Вы спите?..—спросилъ гипнотизеръ, взъерошивъ волосы.

— Сплю!..—отвѣтилъ спящій К. Н. загробнымъ голосомъ.

— Я вамъ приказываю ничего не пить!.. Слышите?..

— Слыши!.. Не буду!!

Сеансъ окончился, гипнотизеръ ушелъ. Актеры поздравляли К. Н. съ выздоровленіемъ. Наступилъ часъ обѣда.

— Человѣкъ!!—крикнулъ К. Н., высываясь въ коридоръ, — принеси сюда три обѣда и двѣ бутылки водки.. Живо!!

Такъ подействовало «внушеніе».

**

Когда въ Тифлисѣ въ старомъ казенномъ театре держала труппу Титоевъ, у него пѣли Медвѣдевъ, Тартаковъ, Прянишниковъ и др. Титоевъ въ свой бенефисъ поставилъ оперетку «Бокачіо», съ участіемъ оперныхъ артистовъ. Между прочимъ, Медвѣдеву пришлось лѣзть въ бочку, но въ это время у него лопнуло трико. Въ публикѣ послышалась смѣхъ. Медвѣдевъ не растерялся, подошелъ къ рампѣ и обратился къ публикѣ:

— Pardon, не моя тутъ вина; разъ заставляютъ оперного артиста пѣть въ опереткѣ — оперное трико этого не выдерживаетъ!..

Раздался гомерический хохотъ.

**

— Это было пѣть восемь назадъ...

Въ театрѣ «Pergola» во Флоренціи, Мазини пѣлъ Риголетто.

Случайно находился въ театрѣ Верди и слушалъ свое произведение.

Мазини, узнавъ о присутствіи въ театрѣ знаменитаго маestro, попросилъ импресарио пригласить его на сцену.

Старикъ съ удовольствіемъ согласился исполнить просьбу «короля теноровъ» и

«Генераль АГРОНЪ (Agtron), бывшій генералиссимусъ французской арміи. Онъ подалъ въ отставку, когда введенъ новый срокъ военной службы.

«ИСТОРИЯ»—Рельефъ работы В. В. Шафа въ Чешскомъ музѣѣ, въ Прагѣ.

въ одномъ изъ антрактовъ пришелъ къ нему въ уборную.

— Какъ я пою ваше Риголетто? — сразу бухнулъ ему Мазини.

Верди улыбнулся, взялъ за руки пѣвца и сказалъ:

— Ты поешь Риголетто не мое, а свое собственное, но не смущайся, пой, какъ хочешь, но только пой!..

Такъ въ то время Мазини былъ еще въ „голосѣ“.

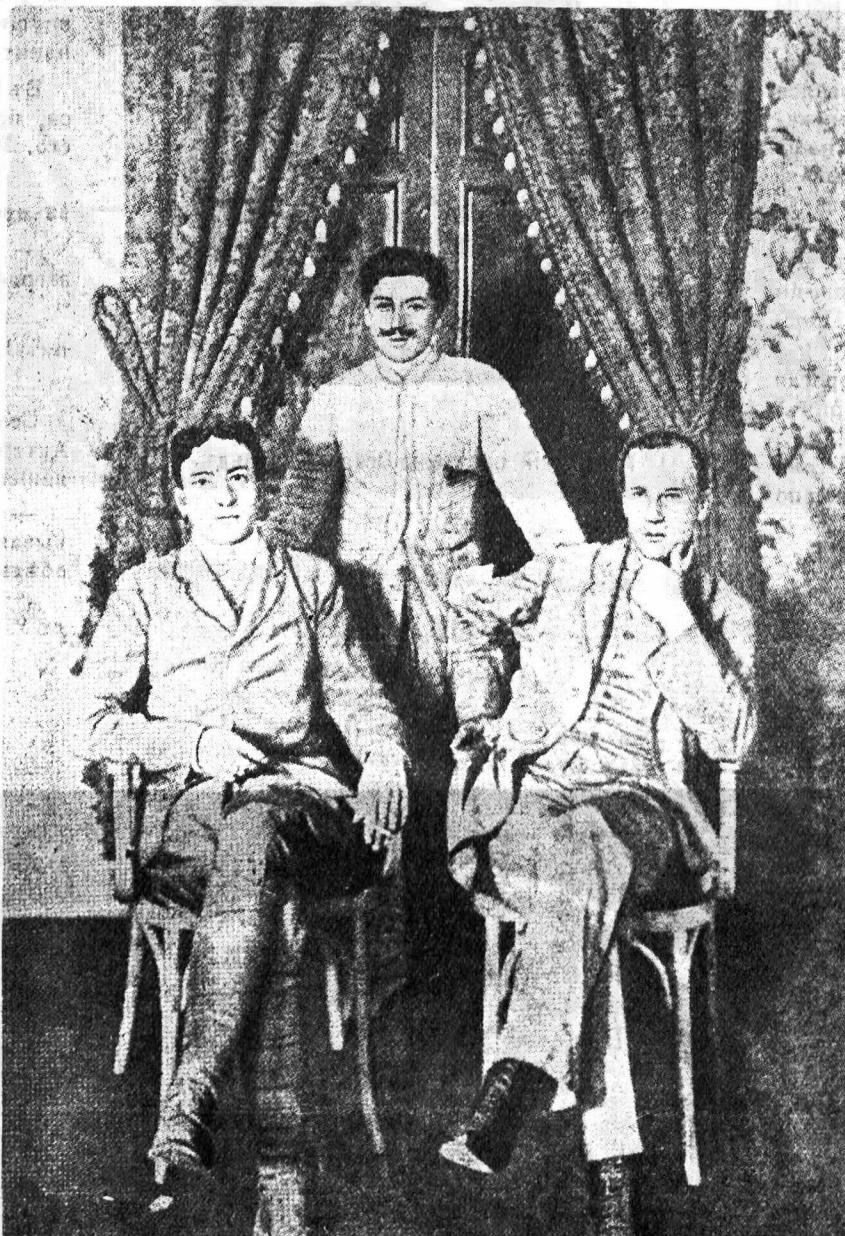
Разныя разности.

Прошлое и настоящее кинематографа. Рѣдкій изъ жителей большихъ городовъ не знакомъ съ кинематографомъ, но не каждому известно, что послужило началомъ для изобрѣтенія этого аппарата, какую область промышленности занимаетъ устройство кинематографовъ и какія перспективы видятся передъ усовершенствованнымъ аппаратомъ въ будущемъ. На эти вопросы даетъ отвѣтъ статья Banet Rivet въ послѣдней книжкѣ „Revue des Deux Mondes“. Толчкомъ для изобрѣтенія кинематографа послужилъ, какъ это ни странно, поднятый въ парижской академіи наукъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли кошки всегда падаютъ на лапы и какъ онъ производятъ поворотъ въ воздухѣ, не имѣя точки опоры. Сначала отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ отрицательный. Готье доказывалъ, что безъ оскорблѣнія математическихъ законовъ кошка не имѣетъ права перевернуться въ воздухѣ, какъ не имѣть права, вообще, неизмѣнное по формѣ тѣло, подверженное исключительно дѣйствію тяжести и своихъ внутреннихъ силъ, перевернуть себя вокругъ оси, проходящей чрезъ его центръ тяжести. Знаменитый физіологъ Марэ, желая разрѣшить этотъ вопросъ, усовершенствовалъ фотографические аппараты и съ ихъ помощью снялъ много снимковъ съ кошки, летящей внизъ. Онъ показалъ, что кошка, дѣйствительно, поворачивается въ воздухѣ и совершаєтъ этотъ поворотъ слѣдующимъ образомъ. Брошенная за четыре лапы спиной внизъ, кошка, не имѣя никакой точки опоры въ себѣ, быстро выпрямляетъ спину, которая до此刻 порь была обращена выпуклостью внизъ; она вытягиваетъ заднія лапы и прикладываетъ къ шеѣ переднія, перевертываясь въ то же время передней частью туловища; когда это совершилось, она вытягиваетъ переднія лапы, подгибаетъ заднія и дополняетъ поворотъ. Въ результате, она падаетъ на землю, направляя книзу вытянутыя и готовыя уменьшить силу толчка всѣ четыре лапы.

Достигнувъ такихъ результатовъ, Марэ и ближайшій его помощникъ Демени занялись новымъ улучшеніемъ быстро снимающихъ аппаратовъ. Послѣднему удалось достичь большого совершенства. Своимъ аппаратомъ онъ снялъ говорившаго оратора; 24 снимка соотвѣтствовали одной короткой фразѣ. Движенія губъ, жесты и позы оратора были такъ ясны, что, когда Демени въ проекціяхъ воспроизвѣдилъ свои снимки, то глухо-нѣмые, привыкшіе читать слова, слѣдя за губами говорящаго, понимали рѣчь оратора по

моментальнымъ снимкамъ и воспроизведенію движений рыбъ въ водѣ и рыбоподобныхъ предметовъ въ воздухѣ, удалось разрѣшить такъ долго занимавшій ученыхъ вопросъ: впередъ или назадъ долженъ быть устремленъ толстый конецъ управляемаго аэростата; фотографія отвѣтила, что воздухоплавательная машина должна быть направлена толстымъ концомъ впередъ. Изслѣдуя рѣчи разныхъ людей при помоши тѣхъ же быстрыхъ послѣдовательныхъ фотографическихъ снимковъ, физіологи опредѣлили условія, при которыхъ

одни и тѣ же слоги произносятся разными людьми неодинаково, почему, напримѣръ, южане произносятъ *ein* тамъ, где у парижанъ слышится *an*. Та же фотографія опредѣляетъ, чѣмъ въ отдѣльныхъ фазахъ ударъ молотомъ кузнеца мастера отличается отъ удара ученика... Въ Парижѣ устройствомъ кинематографовъ занято главнымъ образомъ „Генеральное Общество кинематографовъ“. Зданія этого Общества занимаютъ площадь въ 10 тысячъ квадратныхъ метровъ. Между этими зданіями есть и театръ, где происходятъ представленія для съемки и дальнѣйшаго воспроизведенія кинематографомъ, и лабораторіи, и фабрики, и, наконецъ, складъ для пленокъ оберегаемый, какъ пороховой погребъ, потому что пленки, представляющія въ общемъ капиталъ, превышающій 7,000,000 франковъ, отличаются необыкновенной воспламенимостью... Но все это, — утверждаетъ авторъ статьи въ „Revue des Deux Mondes“, — только начало.

КНЯЗЬ БОРГЕЗЕ И ЕГО СПУТНИКИ,

спѣлавшіе болѣе 9000 верстъ, передъ прибытіемъ въ Петербургъ. Направо владѣлецъ автомобиля, князь Боргезе; рядомъ съ нимъ — корреспондентъ Барцини. Онъ составитъ подробный отчетъ объ этомъ замѣчательномъ путешествіи. Позади — шоферъ автомобиля Гицарди.

снимкамъ... Дальнѣйшія усовершенствованія были введены братьями Люмьеръ, которые главнымъ образомъ и содѣйствовали распространенію кинематографа въ публикѣ. Несмотря на свое еще несовершенное устройство, кинематографъ и теперь оказываетъ услуги наукѣ. Такъ, онъ воспроизводитъ всѣ движения оператора и всѣ фазы операции, служа, такимъ образомъ, большими пособіемъ при изученіи хирургіи. Благодаря послѣдовательнымъ

СМѢСЬ.

Открытие народа. Изъ Британской Колумбіи извѣщаются объ открытии капитаномъ Клиненбергомъ, командиромъ китоловного судна, народа, похожаго на эскимосовъ, на землѣ принца Альберта. Эти люди никогда не видѣли бѣлыхъ. Живутъ они въ норахъ, выложенныхъ мхомъ. Одѣваются въ кожи, сшиты жилами дикихъ звѣрей. У нихъ нашелся кусокъ стали, вѣроятно, найденный ими во льдахъ. Сталь употреблена ими на клинокъ коня.

Гоненіе на корсеты. Кельнское общество реформы женской одежды обратилось въ прусское министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о воспрещеніи ученицамъ носить корсеты, какъ это слѣдуетъ уже въ Саксоніи и другихъ государствахъ Германіи.